

Взгляд Хуань Линя внезапно остановился на груди Шофэна, где мерцал слабый зелёный свет. Хуань Линь резко протянул руку и вытащил то, что находилось у него на груди. Тело Шофэна было изувечено, но, к удивлению, нефритовая подвеска осталась целой. Это навело Хуань Линя на некоторые мысли.

Второй раз взглянув на подвеску, его взгляд слегка изменился:

— Это его подвеска.

Шофэн открыл глаза и уставился на подвеску:

— Это моя, верни её мне.

Лицо Хуань Линя становилось всё мрачнее, в его голове всплывали старые воспоминания.

— Ачжань, твоя подвеска так красива, подари её мне.

— Моя мама дала мне её, я не могу отдать её тебе. Разве что я умру, иначе её нельзя снимать.

— Тогда эту ты можешь мне отдать? Она уже пылится в твоём ящике.

— Не говори глупостей, как подвеска может покрыться пылью?

— Он отдал её тебе? — эти слова Хуань Линь произнёс сквозь зубы.

Это была та самая подвеска, которую тот человек не хотел отдавать даже под страхом смерти, а теперь она оказалась у какого-то слуги.

— Она моя, верни её мне, — упрямо повторил Шофэн.

Хуань Линь не обратил внимания на слова Шофэна, крепко сжимая подвеску в руке, думая о другом.

Он говорил:

— Разве что я умру, иначе её нельзя снимать.

А теперь он снял эту подвеску.

Мысль мелькнула в его голове, и сердце Хуань Линя сжалось, словно что-то схватило его, и он на мгновение почувствовал, что не может дышать. Это был страх, исходящий из глубины души. Хуань Линь глубоко выдохнул, чтобы подавить это чувство, и снова крепко сжал подвеску в руке.

Что с того, что подвеска разбилась? Теперь она снова в его руках. Это судьба.

Хуань Линь повесил подвеску, взятую у Шофэна, на свой пояс. Шофэн широко раскрыл глаза, с ненавистью глядя на него, но Хуань Линь оставался невозмутимым, словно подвеска всегда принадлежала ему.

— Уведите его, я сам допрошу его, — указал Хуань Линь на Шофэна.

Шофэна развязали, он ощупал пустую грудь, чувствуя глубокую обиду, но, поскольку Хуань Линь не вернул подвеску, он ничего не мог поделать, только опустил голову, на лице не было

ни капли жизни.

Несколько месяцев назад Шофэн ещё считал Хуань Линя своим человеком, надеясь на его возвращение, а теперь он стал его врагом. Он плохо обращался с господином, он хотел убить его. Шофэну потребовалось много времени, чтобы принять эту реальность.

Переместившись в другое место, Шофэн остался узником, только теперь он перешёл из одной камеры пыток в другую.

Однако он не ожидал, что его приведут в чистую комнату, обставленную просто, но для Шофэна, вышедшего из камеры пыток, это было как рай.

В центре комнаты стояла бочка с горячей водой, на столе лежала чистая одежда. Шофэн, весь в крови, стоял посреди комнаты, не зная, что делать.

— Быстрее мойся, император хочет видеть тебя, ты ведь не хочешь осквернить его нос и глаза своей грязью? — с отвращением сказал маленький евнух, его тон был далёк от дружелюбия.

Шофэн хотел проявить стойкость, чтобы довести ненавистного императора до обморока, но, глядя на горячую воду и чистую одежду, он всё же дрогнул и невольно сделал шаг к бочке.

Его тело было изувечено, он уже давно потерял чувствительность от боли, но с прошлой ночи его обволакивала какая-то едва уловимая энергия, тёплая и мягкая, и боль в его теле стала слабее.

Ему казалось, что это господин защищает его.

— Господин, ты здесь?

Он задал этот вопрос, но тут же почувствовал себя глупым. Как господин может быть здесь? Если бы он был здесь, то это бы означало...

Шофэн вдруг запаниковал, он поспешно начал думать о других вещах, чтобы прогнать это чувство.

Шофэн начал медленно срывать с себя куски ткани, которая прилипла к ранам, этот процесс был мучительным, затем он обтёр тело водой и, выйдя из комнаты, совершенно преобразился. Он больше не был вонючим узником.

Маленький евнух повёл его по дворцу, сделав несколько кругов, они наконец достигли цели. Евнух незаметно исчез, и Шофэн, не зная, что делать, некоторое время смотрел на единственную дверь, затем подошёл к ней и постучал.

Дверь открылась, и Хуань Линь в простой одежде сидел за столом, его взгляд был устремлён прямо на Шофэна.

Шофэн стоял на пороге, не решаясь войти.

— Войди, — приказал Хуань Линь.

Шофэн не хотел входить, но кто-то внезапно толкнул его сзади, он влетел в комнату, обернувшись и увидев, что исчезнувший маленький евнух смотрит на него с нетерпением.

Хуань Линь машинально коснулся подвески на поясе:

— Шофэн, где он?

— Я не знаю, с того дня, как я навестил господина, я больше его не видел, — ответил Шофэн.

— Эта подвеска — он отдал её тебе в тот день? — спросил Хуань Линь.

Шофэн кивнул.

Глаза Хуань Линя потемнели, воздух в комнате стал тяжёлым, давящим.

— Тогда почему ты только что сказал, что знаешь? Преступление против императора — это серьёзно.

Шофэн упрямо не стал на колени и не сказал о том едва слышном голосе, который звучал у него в ушах.

— Я не знаю.

Хуань Линь резко ударил по столу:

— Ты не знаешь?

Шофэн испугался, его ноги подкосились, и он упал на колени.

— Ты был с ним больше десяти лет, и, как и он, ты не говоришь ни слова правды! — в глазах Хуань Линя закипел гнев, вспомнились старые обиды.

Глаза Шофэна покраснели, он вспомнил, как в те дни господин писал письма при свете масляной лампы, снова и снова; он вспомнил, как господин ждал под грушевым деревом день за днём, когда Хуань Линь вернулся с победой; он вспомнил, как господин возвращался из дворца и целый день лежал в ванне, оживая только благодаря письмам, которые присылал Хуань Линь.

— Господин не такой! Господин ценит чувства и справедливость, он верен своим словам, как он мог не говорить правду? — крикнул Шофэн в ответ.

Наверное, во всём мире только он один осмелился бы так кричать на императора.

— Ценит чувства? Если бы он действительно ценил их, как он мог бы быть с низложенным императором? Он родился в знатной семье, но не был любим, поэтому жаждал власти!

Слёзы потекли по лицу Шофэна.

Эти слова Се Чжань услышал впервые.

Оказывается, Хуань Линь так думал о нём.

Он всегда считал, что они с Хуань Линем понимали друг друга и любили друг друга, но теперь понял, что они не понимали друг друга, а просто были молоды и глупо влюблены.

За эти дни Се Чжань много думал и наконец понял одну вещь.

Когда он выпил тот кубок отравленного вина, он думал, что вся любовь и ненависть исчезли, но это было не так, иначе он бы не остался привязанным к той самой подвеске, которая связала

их судьбы.

И когда его душа покинет эту подвеску, их связь окончательно прервётся.

Теперь же он полностью разочаровался.

—

Два дня спустя.

Хэ Юн стоял на коленях перед императором, его одежда была грязной, на подбородке росла щетина, он выглядел измождённым.

Хуань Линь смотрел на него, на его лице не было гнева, словно он уже знал исход — его личная стража тоже не нашла следов Се Чжэня.

Вечером, когда он получил письмо от своей стражи, в его сердце уже поселилось чувство тревоги и беспокойства.

Он не мог найти его, его стража обыскала весь Цзянькан, но он словно исчез с лица земли. Где же он мог быть? В этом огромном мире, куда ему идти искать его?

И как он позволит ему жить в этом мире спокойно?

Хуань Линь безразлично смотрел на Хэ Юна, стоящего на коленях, и спокойно сказал:

— Хэ Цин, есть ли какие-то новости?

— Ваш слуга проверил записи о всех, кто входил и выходил из тюрьмы с момента заключения преступника, и обнаружил подозрительные моменты. В пятнадцатый день двенадцатого месяца личный слуга преступника Шофэн посещал тюрьму.

Пятнадцатый день двенадцатого месяца был днём, когда Хэ Цзинь стала императрицей.

— Через два дня министр Ван посетил тюрьму, чтобы навестить преступника.

— Ван Кэ? — чашка в руке Хуань Линя вдруг разбилась.

Ван Кэ был важным чиновником двух династий, после восшествия на престол Хуань Линь, учитывая влияние семьи Ван, продолжал доверять ему. У Ван Кэ была ещё одна роль — он был бывшим наставником наследного принца, а затем учителем Сыма Яня.

Когда Хуань Линь захватил Цзянькан и вошёл в Чертог Тайцзи, именно Ван Кэ вместе с группой старых чиновников встал на колени перед Чертогом Тайцзи, преграждая путь мятежникам.

Ван Кэ своей жизнью защищал Сыма Яня.

<http://bllate.org/book/16364/1479715>